

The background of the entire page is a white surface covered with various red brushstrokes. Some strokes are thick and vertical, while others are smaller and more scattered. The overall effect is a textured, artistic composition.

Поцелуй меня, когда проснешься

18+

Юля Зу

Юля Зу Поцелуй меня, когда проснешься

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66428796
SelfPub; 2021*

Аннотация

Почему ты чувствуешь себя чужим и странным в мире, где все более или менее удается и идет свои чередом? Почему ты сломлен, если не травмирован? Почему одинок среди небезразличных людей? Возможно, ты никогда не поймешь, но однажды просто примешь себя, как есть.

Юля Зу

Поцелуй меня, когда проснешься

Наступает еще одно утро. Ногой на хвост кошке. Я тяну веревку – поднимаются шторы. И свет обжигает даже сквозь закрытые веки. Я отползаю на край кровати, свешиваю ноги и через некоторое время открываю глаза. Не сразу, но предметы в моей спальне становятся четкими: большое светлое пятно становится зеркалом, еще большее темное пятно шкафом. А еще я вижу багрово-красный синяк, окольцевавший мое запястье. Я думаю, а есть ли у меня что-нибудь чистое с длинным рукавом? Воспоминания коллег о неделе в темных очках, маскирующих мой фингал, еще свежи и хрустящи. 3 года плодотворной работы, а босс ни на минуту не ослабил внимание. Он не верит в историю об упавшем на меня сверху мотке ткани. Или в травму, полученную на занятиях карате. Или в снежок, кинутый дворовым мальчишкой. Возможно, мне стоит выйти замуж, потому что моя фантазия иссякает.

От кофе сознание не пробуждается полностью. Вся эта улица, облачка пара, вырывающиеся изо рта, трамвайные рельсы, отражающие лучи зимнего солнца, – лишь продолжение ночного сна. Пластмассовые сидения холодят кожу. Я

утыкаюсь лбом в стекло – морозный узор течет. Чужие люди входят и выходят, не интересуясь, кто я, куда еду и есть ли у меня домашнее животное. Но вот я чувствую слева пристальный взгляд. Сосед вежливо и вместе с тем как будто нетерпеливо покашливает. Я закрываю глаза. И продолжаю ощущать этот взгляд, как ствол пистолета, прижатого к виску. А узор продолжает течь, и одна капля скатывается по лбу и щеке к уголку рта. Я слизываю ее. Она холодная.

Я чувствую окончательное пробуждение реальности сидя в своем кабинете и пролистывая на экране один за другим файлы из портфолио нашей новой художницы. Коллажи, акварельные рисунки, карандашные наброски, пейзажи и портреты, созданные в различных графических редакторах, но оттого не менее реалистичные. Звуки внезапно надвигаются на меня, становясь все громче и торжественнее. Предметы приобретают выпуклость. И особенно эта маленькая родинка на щеке художницы, которая рассказывает мне о своем прежнем опыте работы в рекламных агентствах, об участии в выставках и, кажется, что-то о Магритте. Я перевожу взгляд с ярко-красных маков на экране на эту родинку: «Вы мне все резюме свое пересказать хотите? Вас уже взяли в штат. Думаю, ваше портфолио скажет мне о ваших возможностях больше, чем слова». Ничего нет ни на столе, ни на стенах, ни на комодах, расставленных по периметру всего кабинета, – ее взгляду не за что зацепиться. Поэтому она

смотрит на меня. Наверное, поэтому. Ее рот все еще открыт из-за недопроизнесенного слова, и она кивает. Через некоторое время она понимает, что ничего больше я говорить не буду, – молча встает и выходит из кабинета.

Позже ко мне заглядывает Леонид. Одной рукой он держится за дверной косяк, нависая над полом под углом в 60-65 градусов, а обе его ноги остались за порогом моего кабинета. У меня ощущение, что я разговариваю с би-ба-бо.

– Ты уже познакомилась с Марией?

– Достойное портфолио. Но в будущем я все же хотела бы принимать хоть какое-то участие в беседах.

Босс приподнимает вверх уголки рта.

– Знаешь, те очки, которые ты носила, чтобы прикрывать свой фингал... они были ужасны. Я не хотел пугать соискателей.

Растягиваю губы и немного щурю глаза, чтобы образовать морщинки вокруг глаз и, вроде как, сделать улыбку искренней. Босс внезапно становится серьезным: «Презентация сегодня в 4», – и половинка его тела исчезает в коридоре.

На презентации приходится работать левой рукой: на рукавах блузы оказались слабые резинки. Леонид как раз пожимал руку клиенту, когда правый рукав моей блузы сполз, обнажив гематомный браслет. Босс постоянно переводит взгляд со среднего и безымянного пальцев моей правой ру-

ки, которые фиксируют рукав, на левую руку, которая неуклюже указывает на некоторые части макетов. Мария, находящаяся здесь для ознакомления с процессом, наоборот, совсем не поднимает на меня глаз. Я прячусь в ее безразличии, как в тени деревьев. И почти даже чувствую себя в безопасности.

Я уйду из офиса позже всех. Тщательно наматываю шарф. И уже ощущаю нарастающее возбуждение. Пять минут до поворота, потом 10 до остановки. Трамвай, дом, ужин, звонок в дверь, кровать...

– Ты ведь уже три года тут работаешь?

– Ага, вроде бы...

– Знаешь, просто я тут подумал недавно, что за все это время ни разу не видел, как ты ешь.

Я даже и не знаю, что сказать.

– Давай сегодня пообедаем вместе. Тут на углу есть уютный ресторанчик. Я зайду за тобой в час.

И Леонид тут же выходит из моего кабинета, не удосужившись даже получить моего согласия.

Я чувствую себя зажатой между двумя стеклышками под пристальным взглядом Леонида. В этом «уютном ресторанчике» жарко, как в аду. Снять я ничего не могу. Свет здесь приглушен. Поэтому я закатываю рукава до локтя.

– Ты коту завела? – бросает он взгляд на царапины на моих руках.

Вместо моего ответа, мы слышим голос официанта: «Уже готовы сделать заказ?» И пока босс зачитывает строчки меню, я обдумываю идею с котом. Потом я заказываю грибной суп, солянку и клюквенный морс. Но еще до того, как я успеваю открыть рот и выпустить «да, завела», Леонид произносит: «Так ты из термокружек супы на работе хлебаешь?» И звучит это как утверждение. Эта встреча становится опаснее с каждой минутой, а ведь мы еще даже не приступили к трапезе.

– Ну, так, может, расскажешь, как у тебя дела? – этому человеку вообще нужны ответы на поставленные вопросы?

– Ты ведь знаешь как? По всем проектам мы на стадии создания презентаций. По цветочному магазину мне Мария завтра утром принесет первые макеты, – от негодования у меня даже тело загудело.

– Это дела фирмы, а я спросил о твоих, – я пару раз открываю и закрываю рот. Странно, что вверх не пошли пузырьки.

– Прости, а я дала повод для того, чтобы ты ими интересовался?

– Нужен особый повод, чтобы спросить, как у тебя дела?

– Ну ты, вроде, не из тех, кто бросается своими «как дела?» направо и налево.

– Знаешь, просто в последний раз мы разговаривали о тебе... эээ... кажется, на собеседовании при устройстве ко

мне на работу! И я неплохо поразвлекся, наблюдая за тобой и делая определенные выводы, но сейчас хочется просто поговорить.

Черт. Я. Даже. И. Не. Знаю. Что. Сказать.

– И о чем же ты хочешь «просто поговорить»?

– Ты карате все еще занимаешься?

Я пытаюсь понять подвох и оттого мое «да» звучит скорее как неуверенный вопрос.

– Хорошо. Вот видишь, ничего страшного пока, – и он улыбается.

– Пока? А будет?

Вместо ответа он спрашивает, где и с кем я собираюсь встречать новый год, умею ли я варить борщ, хорошо ли греют батареи в моей квартире и когда я прекратила верить в Деда Мороза. Когда нам наконец-то приносят еду, скорость вопросов падает. Я проглатываю солянку и закатанные рукава уже не спасают от жары. Рубашка прилипла к спине, лоб покрылся испариной. И я бы ничуть не удивилась, если бы Леонид прямо сейчас, спрашивая остались ли у меня друзья со школы, достал фонарик и стал светить им мне в лицо. После осушения всех принесенных мне емкостей, я отлучаюсь в туалет. Я сижу на опущенной крышке унитаза, уткнувшись головой в колени. Затем выхожу из кабинки, умываю лицо и руки холодной водой. Поворачиваюсь от зеркала к двери – и лицом к лицу сталкиваюсь с боссом. Я осторожно оглядываю помещение и только сейчас замечаю стену с писсуарами.

«Нет, я не следил за тобой», – отвечает Леонид. Но я ведь, кажется, не задавала вопроса?

Весь остаток дня я судорожно перебираю в памяти все заданные боссом вопросы и не могу вспомнить почти ни одного своего ответа – ни правды, ни лжи. Я перепоручила все свои дела. Я тщательно оглядела весь кабинет на наличие видеокамер. Мысли носятся в голове и не отпускают меня ни когда я выхожу с работы, ни когда иду до трамвайных путей, ни дома, когда я лежу на кровати, уставившись в зеркальный потолок. В эту ночь мне придется спать с ними в обнимку.

Снова утро. Я слышу, как хлопает входная дверь. На кухне меня ждет кофе. Пар от него танцует в лучах солнца. Выпиваю залпом, обжигая небо и горло, и иду в душ. Стараюсь не смотреть в большое зеркало, пока вся его поверхность не покрывается конденсатом пара. Очертания моего тела в его отражении становятся размытыми: радиус 30 по Гауссу. И цвет кожи приятный, почти такой, каким и должен быть цвет кожи человека, прожившего полных три месяца зимы и один месяц весны без отпуска в теплых странах.

Хоть весна еще и не набрала оборотов, одежды на людях становится все меньше. Я с ужасом жду окончательного потепления и от страха худею. Мне повезло, что у меня есть отдельный кабинет с кондиционером. Но до него еще надо до-

браться, не расплавившись в лучах летнего солнца. Чертово прогнозирование. Оно помогает в работе, но делает слишком выпуклыми ужасы будущего.

– Корпоратив?

– Тимбилдинг. Твоим ребятам пора бы узнать, кто с кем спит и как проводит свободное время, – Леонид так радуется собственной шутке, что ударяет ладонью по столу.

– О, поверь мне, они знают! Нет необходимости тратить бюджет компании на тех, кому посчастливилось остаться в неведении, – и, черт возьми, я действительно считаю это весомым аргументом.

– Брось. Мы выиграли много крупных тендеров в этом году. У нас полный и безоговорочный профицит. Новые люди нам не нужны, а свежие цветы по всему офису – не наш стиль. Надо же куда-то тратить деньги!

– Леонид, купи себе яхту.

Начав было смеяться, он посмотрел мне в глаза и понял, что я предельно серьезна.

– Лиля, – он глубоко вдыхает и кладет свою руку поверх моей, – тимбилдинг – это не прихоть, а суровая необходимость. Подобные мероприятия действительно сплачивают коллектив. Ничего страшного не случится, если кто-то узнает, что ты ешь по утрам.

Леонид так серьезен, как будто сообщает мне о кончине моего близкого родственника. Я хочу бежать. Бежать не останавливаясь до самой Антарктики.

– Что ты думаешь об этой картине? – он поворачивается к акварельному рисунку за своей спиной и наконец-то выпускает мою руку из своей.

– Она отлично гармонирует с интерьером твоего кабинета.

Леонид несколько раз проводит большим пальцем правой руки по щетине на подбородке, потом мотает головой и одновременно с этим произносит: «А она тебе нравится?»

– Она висит в твоём кабинете, поэтому должна нравится тебе, а не мне.

– Это очень логично. Я переформулирую: ты повесила бы ее у себя дома?

– Нет.

– То есть она тебе все же не нравится?

– Я просто не представляю ее в моем интерьере.

Он внезапно вскакивает со стула и пару раз делает руками дирижерские движения. С того злополучного обеда он больше не предпринимал столь яростных попыток вспороть мой внутренний мир. Но и продолжить пассивно наблюдать уже, видимо, не мог. По сути мы все еще стояли лицом к лицу в мужском туалете, и он никак не мог спросить главного: «Что ты здесь, черт возьми, делаешь?» Все мое тело внезапно заныло от боли. «Да абстрагируйся ты от интерьера! Представь эту картину не в контексте, а отдельно ото всего! Она тебе нравится?» – кажется, в его голове звучит барабанная дробь. Он как будто вонзил в меня нож и теперь ждет, какого цвета

потечет кровь.

– Какие будут последствия, если я не буду участвовать в этой тимбилдингаии?

– Я снесу стены твоего кабинета.

Кажется, он знает обо мне больше, чем может предположить.

Тщательно наматываю шарф. Пять минут до поворота, потом 10 до остановки. До вожделенных трамвайных путей. По проложенной шпалами дороги до дома. Туда, где разлетится в дребезги реальность. Туда, где она будет удушена тонкими сильными пальцами. Туда, где я увижу, что кровь, моя кровь, красная. Туда, где не нужно будет слов для общения. И никаких глупых вопросов!

– Лиля, Лиля постой! – оборачиваюсь и вижу запыхавшуюся Марию. – Я хотела... пригласить тебя... на чашечку кофе, – говорит как можно быстрее. Боится, что убегу?

– Зачем? – мое тело инстинктивно поворачивается обратно, в сторону трамвайных путей.

– Я просто хотела кое-что с тобой обсудить, – она уже отдышалась и резко шагнула ко мне, оказавшись так близко, что я почувствовала теплоту каждого ее последующего слова на своей щеке. – Это... ничего такого важного. Но я уже три недели не могу решиться. И сейчас мне пришлось даже выпить боевые сто грамм, – она улыбается бессильно, как перед расстрелом.

– Я... – и мне почему-то захотелось быть вежливой с этой девушкой. Или я просто не хочу, чтобы ей тоже захотелось вспороть меня? – Хорошо, чашечка кофе с боевыми сто грамм. Люди ведь пьют кофе не только по утрам? – я улыбаюсь так приветливо, что почти что чувствую как бешено мотается из стороны в сторону то, что так и не стало хвостом. Мы направляемся к кафе, и, пока переходим дорогу, я вижу, как человек в кожаной куртке поднимается по ступеням в трамвай и исчезает в нем.

Кофе с ликером тут же бьет в мозг. В ногах и руках появляется приятная усталость. И я практически перестаю чувствовать боль.

– ... мне показалось в нашу первую встречу, что я тебе не понравилась. И потом ты держалась так холодно, хоть и хвалила. Но я наблюдала.

– У нас кажется все в фирме только и делают, что наблюдают, – произношу я зачем-то вслух. Чертов ликер!

– Прости?

– Да нет... это я о своем. Не обращай внимания, – и она действительно не обращает. Все ресурсы у нее уходят на то, чтобы правильно подобрать слова.

– Я просто увидела, что ты со всеми такая. И значит не во мне дело. Наверное. То есть я не до конца уверена. Но я сама не хотела бы так думать. Ну, что это моя вина.

– Я что-то не очень поймала твою мысль.

Она глубоко вдыхает и выдыхает. Несколько раз. Проводит рукой по волосам. Потом в задумчивости касается пальцами своих губ и опускает ладонь на стол, слегка касаясь этими же пальцами моих.

– Послушай, говори уж как есть. Я хочу сказать, что ты можешь выражаться, как тебе удобнее. Ты уже прошла испытательный срок и отлично показала себя в работе. Я даже подумывала заказать у тебя картину для своей спальни, – я тарабаню слова, пытаюсь заглушить ими неловкость момента.

– Правда? – не верит, думает, что я просто стараюсь быть вежливой.

– Серьезно. Помнишь тот проект для цветочной компании? Маки получились отличными, очень... мmmm... живыми, пробуждающими. Для спальни самое то.

– А какого цвета стены в твоей спальне? – и снова эти вопросы! «Ничего такого важного», а я чувствую, как она засовывает руку мне в трусы.

– Ну, они светлые. У меня во всей квартире светлые стены и темная мебель.

– Светлые... – почти улыбается и делает глоток. Меня охватывает чувство дежа вю.

– Послушай, я такая, какая есть. Честно. Не хочу это анализировать. И не хочу, чтобы кто-то делал это за меня. Я хорошо отношусь к тебе. Ты отличный художник – даже не пойму, что ты у нас забыла, – улыбаюсь, улыбаюсь, улыба-

юсь. – И я уверена, что ты хороший человек. За тебя говорят твои работы, твои картины. Но...

– Знаешь, моя мама умерла, когда мне не было и шести лет. Я рано вышла замуж. По любви. Но взамен получила только два шрама на груди и аборт.

Я молчу, я не знаю, что сказать. «Мне очень жаль?» «Какой ужас?» «Бедная моя девочка?» Зачем она хочет, чтобы я знала это, когда я даже не хочу называть ей цвет стен в моей квартире?

– Зачем ты меня позвала сюда?

– Я, кажется, влюбилась в тебя.

И весь оставшийся вечер мы обе делаем вид, как будто она никогда не произносила этого вслух.

Домой я вернулась поздно. Не раздеваясь я упала на кровать и уставилась в зеркальный потолок. Я рассматривала складки своей одежды, но видела, на самом деле, лишь то, что скрывается под ними. Разве можно полюбить это?

Беспощадное утро. Оно наступает несмотря ни на что. Медленно приоткрываю веки и отползаю. Когда зеркало и шкаф обрели четкость, я замечаю полосу крови на простыне. Осматриваю ноги, затем руки, живот, грудь... Откуда? Иду в ванну. Поворачиваюсь спиной к зеркалу. Вот она. Полоса с запекшейся кровью в 10 мм над резинкой трусов. Не хочу видеть, что выше. Трогаю – больно. Больно и когда пью кофе.

И когда одеваюсь. На улице ждет машина. На улице совсем тепло. Разгар мая. Последний весенний месяц окончательно раздел горожан. Под их одеждой оказалась лишь белая кожа, а под моей... одна сплошная кроваво-синяя боль.

В душ образовалась длинная очередь. Я пятнадцатая, и то только потому, что Мария заняла мне место. Чины стали не важны. Все – члены одной команды. Люди, только что хватающие друг друга за все возможные места, не хотят, однако, теперь видеть то, что удалось нащупать их пальцам. Игра закончилась. А потому две ваннные комнаты определены как мужская и женская. И несмотря на то, что в каждой комнате по три душа, мужчины и женщины заходят в комнаты по одному. Но мне даже на руку такое торжество пуританства. Мое тело болит и, кажется, кое-где даже сломалось. Мне плохо удавалось скрывать свои чувства, когда кто-то хватал меня за руки и за ноги, подталкивал в спину и обнимал за плечи. Каждое прикосновение – боль. Она разливалась по всему организму, и вместе с ней в кровь выплескивались вещества ее притупляющие. На моем лице одновременно отражались страдание и опиятное блаженство – верные спутники неразделенной любви. Пол-офиса теперь думает, что я в них втрескалась по уши. Никто из них никогда не видел моих чувств. Сидя в кожаных креслах офиса, контролировать эмоции гораздо легче.

Вот, например, Юрий. В одном из заданий нам нужно было вместе протиснуться между плотно прижатыми друг к другу стенами. Он раздвинул их руками, и мы оба вошли в освободившееся пространство. Он уперся спиной в одну стену, я – в другую. Преодолевая давление стен, мы сели ногами и постепенно продвигались к свету в противоположной стороне созданного нами коридора. Где-то на середине пути Юрий наступил за развязавшийся шнурок своих кед. Он ослабил давление на стены всего на миг, но этого хватило, чтобы они тут же сомкнулись, громко чавкнув. От их удара я враз ощутила каждый синяк на своем теле, каждую ссадину, каждый порез и его глубину. Я подавила истерику улыбкой. Я улыбалась, а моя рука была плотна прижата к его яйцам. Что он мог подумать? И вот теперь он стоит в очереди в душ и улыбается, глядя на меня. А мне все равно придется возвращаться в город с ним, потому что выбраться с этого лесного полигона можно только на машине. Потому что Леонид отобрал мобильники, и я не могу вызвать такси. Потому что я не могу ночевать в одном номере с секретарем босса Эллой. Мне нужно сбежать, даже если это грозит увольнением.

Его машина долго стояла на солнце, и духота плотнее прижимала мои джинсы и рукава к коже. На Юрии были поло и шорты. Он что-то говорил. Кажется комплименты. Что-то о других сотрудниках. И я все ждала. Когда же он задаст во-

прос? Когда же он засунет руку мне под кофту?

– У моей бабушки юбилей. 80 лет. Представляешь? Сегодня вечером у нас ужин в кругу семьи. Не могу пропустить. Ну а ты? Почему не осталась? – смотрит на меня, хотя должен на дорогу.

– У меня встреча. С человеком, – придумываю я на ходу, а он смотрит еще пристальнее. Дорога, водитель, дорога! – Я не могла отменить. Он очень важен для меня. Точнее, она. Встреча. Очень.

Я уже вся покрылась испариной, хотя кондиционер пашет во всю. Но эти длинные рукава, эти джинсы по щиколотку!

– Кхм, парень? – и он наконец-то смотрит на дорогу. – Так и знал, что у Мари ни единого шанса!

Какого...?!

– Ну хоть ставка сыграла.

Вместо вопроса я втыкаю в него взгляд.

– Ну да! С каждого по сотне. Это выходит... ээээ... – он усердно подсчитывает, а мне хочется выбить разом все его 32 белых зуба.

– Ты, кстати, знаешь, что у Люды с Игорем свадьба 8 июня? – Юрий внезапно меняет тему.

– Нет. А что, они хотели меня пригласить?

Он очень внимательно смотрит на меня – я не выдерживаю и рукой поворачиваю его лицо по направлению к дороге. Правый уголок его губ чуть ползет вверх: «Забавно, что ты вообще знаешь, кто это такие». И он продолжает: «Знаешь,

я тоже такой. Ну, закрытый что ли, – я знаю год рождения твоей бабушки, какая уж тут закрытость? – Мы еще делали ставки на то, какого именно светлого цвета у тебя стены в квартире. Мария была уверена, что белого».

О, любящая, зачем ты так со мной?

– Здесь направо, – и я надеюсь, что тема закроется сама собой.

Он поворачивает, и мы уже в 5 км от моего дома. Он скоро узнает, где я живу. Разве этого недостаточно?

– Знаешь, на самом деле у меня было преимущество, – я уже не удивляюсь и не задаю вопросов, а только жду, когда это насилие закончится. – Я видел твоего парня. Видел, как вы встречаетесь на трамвайной остановке. Я не сразу понял: он тебя лишь однажды взял за локоть, когда ты поскользнулась на ступеньке. Но этого было достаточно. Так что я знал. Надеюсь, ты меня не выдашь? – от его зубов отражается солнце, и оно меня слепит.

И еще 4 км молчания. Громкого, такого громкого, что у меня вот-вот лопнут барабанные перепонки.

– Здесь останови.

Он зачем-то глушит мотор, и тишина становится просто нестерпимой.

– А на какой цвет ты ставил?

– Желтый.

– Фисташковый.

И я выхожу из машины даже не хлопнув дверью.

Я дома. По пути в ванну сбрасываю одежду. Как листья капусты. Перед зеркалом я стою голая. Цвет моей кожи практически синий. Синий с красным – там где синяки и ссадины еще свежие. Все мое тело болит. И эта постоянная боль, которую я чувствую, когда сажусь в кресло или ложусь в постель, позволяет мне не забывать, что я еще жива. Что где-то внутри меня бьется сердце. И оно бьется сильнее, когда он сжимает мои руки и бедра. Когда режет ножом кожу. Когда сдавливает щиколотки. Я чувствую, как жизнь разливается по мне, когда он бьет меня ладонями наотмашь. Сильно, как только может. И после одновременного оргазма, он смазывает мои раны водкой и прикладывает лед к кровоподтекам. И я чувствую, как будто весь мир становится передо мной на колени, смиренный и покорный. Перед тем как мы засыпаем, я шепчу ему на ухо: «Поцелуй меня, когда проснешься». И он целует. Целует мои пересохшие губы, проводит по ним языком. А я не помню этого. Каждое утро. Не помню ласки и нежности. Не хочу помнить. Все, что у меня остается, эта боль. Напоминание о том, что ночью я дышала жадно и жила в ожидании каждого следующего мгновения.

Я выхожу из ванны сухая и все еще голая. Он только что разулся. Оторвал взгляд от ботинок и смотрит на меня. На мое красно-синее тело в лучах заходящего солнца.

– О боже, что они с тобой сделали? – улыбается, обнажая

зубы. Подходит и тычет своим длинным пальцем куда-то под грудь. – Это точно не моих рук дело.

– Что ты здесь делаешь?

– Я звонил тебе на мобильник, а ты не брала трубку. Мне нужно где-то перекантоваться, пока полы в квартире перестилают. Ты ведь должна была только завтра вечером вернуться, кажется?

– Мой телефон в лесу остался. А я сбежала. Оттуда.

– В смысле, ты его потеряла?

– Босс отобрал. Чтобы не отвлекаться от корпоративного единения.

Он смеется. И я пытаюсь вспомнить, смеялся ли он при мне раньше? Я смотрю очень внимательно в его синие глаза. На его взъерошенные волосы. На родинку на щеке. Я видела ее раньше?

– Тебе ведь все это противно, да? Я больна. Я очень больна. И мне нужна помощь. Зачем ты делаешь все это?

Он берет мою руку в свою и говорит, перебирая мои пальцы, словно четки.

– Но ты ведь хочешь этого? Да, я каждое утро ухожу, боюсь, что ты больше не позвонишь. Что ты увидишь себя в зеркало и то, что я сделал. Что я сделал с тобой. И возненавидишь. Но раз ты не способна на другое. Пока не способна. Я буду делать так, как ты хочешь. Чтобы быть рядом. Возможно, нам обоим нужна помощь.

Я понимаю, как родился этот мир. Из маленькой точки. Из

маленькой жаркой точки, у которой не было ничего снаружи, у которой было только внутри. И в этом бесконечно малом, бесконечно жарком «внутри» назревало что-то огромное, что-то необъяснимое, готовое взорваться и расширяться до бесконечности.

Он осторожно берет меня и несет в постель. Там все еще простынь с кровавой полосой. Он медленно раздевается и двигается внутри меня так же медленно. Не знает, куда деть руки. Обычно у них много дел, но не сегодня, не сейчас. И он целует меня в тот самый момент, когда моя вселенная взрывается и уносится во все уголки спальни, и за ее пределы, в спальни соседей, и соседей соседей. И я просыпаюсь от долгого сна, длившегося миллионы, а может миллиарды лет. Когда впервые удар понравился мне больше, чем нежное прикосновение. Я не знаю, почему я стала такой. У меня хорошие родители. Добрый и отзывчивый брат. Никаких потрясений. Ни одних похорон. Поэтому я не знаю почему. Я, правда, не знаю. Но сейчас, когда я чувствую тяжесть его тела и от боли и усталости я провалюсь в сон через 2 или 3 минуты, я знаю, что он поцелует меня, когда проснется. И в этот раз я запомню его поцелуй. И впервые посмотрю в его глаза при утреннем свете. И мы будем пить кофе и болтать о всякой ерунде. Как будто встретились только что, а не 2 года назад. Как будто у нас нет будущего, а есть только здесь и сейчас. А потом я спрошу его: «Может, пригласишь меня в гости?»»